Д. КЛЕНОВСКИЙ

Разрозненная тайна

Мюнхен
1965

Разрозненная тайна

Того же автора

«Палитра» стихи. 1917. Распродано.

«След жизни» стихи. 1950. Распродано.

«Навстречу небу» стихи. 1952. Распродано.

«Неуловимый спутник» стихи. 1956.

«Прикосновенье» стихи. 1959.

«Уходящие паруса» стихи. 1962.

Д. КЛЕНОВСКИЙ

Разрозненная тайна

Мюнхен
1965

Herausgeber: D. Klenowsky. Deutschland.

Druck: I. Baschkirzew Buchdruckerei, 8 München-Allach,

Peter-Müller-Straße 43.

Моим друзьям

Я не улавливаю знаков
Иных, неведомых миров,
Мой путь с другими одинаков,
Я тоже им идти готов.

Но принимая непреложность
Назначенного мне пути
Я верю все-таки в возможность
До невозможного дойти.

Пусть ранит этот путь камнями,
Но я зато богат порой
Таинственными черепками
В пыли подобранными мной.

Какой чудеснейшей амфоре
Из неизведанной страны,
Сплетаясь в редкостном узоре,
Принадлежать могли они?

Перебирая их несмело,
Твержу я в помыслах моих:
Как хороша должна быть в целом
Разрозненная тайна их!

1964

Как пароход подходит к пристани,
Неспешно замедляя ход,
И всматриваешься всё пристальней
В тот край, что пред тобой встает —

Так я гляжу в недоумении
На берег странный и чужой,
Что в неизбежном приближении
Сейчас встает передо мной.

Какие-то струятся тени там,
Какие-то скользят лучи,
Но в смутном их нагромождении
Мне ничего не различить.

И лишь одна (прозреньем, бредом ли?)
Надежда промелькнет подчас,
Что кто-то, мне пока неведомый,
На сходнях руку мне подаст.

1964

Ужель я землю посетил,
Чтоб, уходя, сказать «не знаю!»
И стать одной из тех могил,
Что здесь от края и до края?

Иль может быть, как та пчела,
Что потрудилась над цветами
И каплю меда унесла
В далекий улей за холмами —

Так и душа моя возьмет
С собой в далекую дорогу
Тот всё-таки душистый мед,
Что здесь собрал я понемногу.

О нет, не знанье! Лишь намек,
Предчувствие, догадки . . . Что-то,
Чем я разбогатеть не мог . . .
Но, может, хватит для полета?

1964

Пусть не душа, пусть слабое дыханье,
Пусть только затуманено стекло,
Но всё-таки мое существованье
Каким-то дуновеньем процвело.

И может быть среди далеких странствий,
На рубеже какого-то пути
Смогу я на туманное пространство
Свои инициалы нанести.

И стану наконец самим собою,
Тем, кто познал, что совершилось с ним
И кто пока заботливой судьбою
От непосильной радости храним.

1962

Это лучшее, что мне дано:
Благодатное мое незнанье!
С ним я, даже падая на дно,
Страшного не вижу расстоянья.

Думаю: а может быть меня
Мурава внизу спокойно примет
Иль парить я буду, чуть звеня,
Сохранив свое земное имя.

Ну а если даже разобьюсь —
Может это тоже не смертельно?
Может легким облаком взовьюсь
В синеву отчизны запредельной?

О, как это хорошо: не знать!
Мир надежд тогда неиссякаем!
Значит есть и будет что понять,
Если мы сейчас не понимаем!

1964

Сижу в кафе весною,
Сижу ничуть не пьян,
Стоит передо мною
На блюдечке стакан.

Стакан простого чая
И, для других незрим,
В нем ложечкой мешает
Залётный херувим.

И чай мой всё крепчает,
Меняет цвет и вкус
И вот уже не чай он —
Нектáр для жадных уст.

Я пью его пьянея
И я пою, пою
И с песнею моею
В совсем ином краю.

Но спáла навожденья
Взметнувшая струя,
В немом недоуменьи
Сижу очнувшись я.

И чай в моем стакане,
Как ложкой ни мешай,
Не жгучий и не пряный —
Обыкновенный чай.

Когда ты мне солгало,
Проклятое стекло?
Когда ты просияло
И песней обожгло?

Иль в этот вот бесстрастный
И равнодушный миг,
Когда я так напрасно
К твоим краям приник?

Ах, я судить не смею
(Сужу — так на авось . . .),
Ведь в маленьком кафе я
Всего лишь мелкий гость.

Уйду и перестану
(Так проще может быть!)
Из страшного стакана
В недоуменьи пить.

1962

Хотел бы я (мы все в мечтах
Художники своей судьбы!),
Чтоб на моих похоронах
Хотя б один ребенок был.

Чтоб он смотрел по сторонам,
Обрядом строгим не смущен,
И то, что огорченье нам,
Как некий праздник принял он.

Как праздник воссиявших риз,
Свечей, взлетающих кадил
И золотое слово «жизнь»
Один ничем не заглушил.

1964

Как трудно на живой душе
Носить мертвеющее тело,
Душою даже хорошеть,
А тело знать окаменелым.

А в юности, наоборот,
Душа за ним не поспевала
И если подытожить счет —
Побыть вдвоем пришлось им мало.

Почти во всём, всегда, везде
Их разлучало расстоянье
И слишком кратким было здесь
Их благодатное слиянье.

1962

Мы ангелам не молимся совсем,
Мы, с детством распростясь, о них забыли.
Мы лишь тогда дружили с ними все,
Так радостно, так хорошо дружили.

А между тем он так недалеко,
Наш позабытый ангел! Он порою
И просто и легко (почти рукой!)
Коснется нас и нашу жизнь устроит.

Но мы не замечаем и пойми:
Ему наверно всё-таки обидно,
Что вот он здесь, проходит меж людьми,
А им его не слышно и не видно.

Поговорим же с ним хоть иногда,
Его почуя верное соседство,
Без громких слов, без тайного стыда —
На языке утраченного детства.

1962

После смерти будет по-иному,
Новым зовам будем мы послушны
И наверно ко всему земному
Стану там я вовсе равнодушным.

Буду вспоминать без сожаленья,
Без тоски, без радости, без боли
Все улыбки, все прикосновенья,
Все земные воли и неволи.

Лишь одно (я тайно в том уверен)
Сердце сладкой потревожит болью —
Это горсть земных стихотворений,
Окрыленных строчек своеволье.

Встречный ангел мне легко ответит,
Объяснит волнующее чудо:
«Это потому, что строчки эти
«Были на земле уже отсюда!»

1964

Чем глубже ночь — тем утро ближе,
Нам это сказано давно.
Но если утра не увижу,
А ночь врывается в окно?

Но если на последней грани
Меж сном и явью естества
Мне не прочесть еще в тумане
Неразличимые слова?

Что мне тогда обетованье,
Прекрасный, но напрасный зов,
Неуловимое сиянье
Недостижимых берегов!

Но почему порой оттуда,
Где просиять потом должно,
До нас доходит, вестник чуда,
Уже какое-то тепло?

И как задолго до рассвета
Перекликаются дрозды,
Как, до зари проснувшись, летом
Зашелестят уже сады,

Как послушник к обедне ранней
Встает, едва забрезжит свет —
Так и меня тот проблеск ранит,
Которого еще здесь нет.

1964

Попеременно выли, грохотали,
Сходились, разбегались поезда,
Но не было окна на том вокзале,
Где не свила бы ласточка гнезда.

И я поверил в смутное преданье
Гласящее издревле, что, одна
Из всех созданий рая, в час изгнанья
Лишь ласточка осталась нам верна.

Стоял архангел, грозный и разящий,
Но ей была преграда нипочем:
Она метнулась из соседней чащи
И проскользнула под его мечом.

Мы ничего ей дать взамен не можем,
Вот разве этот угол за окном,
Но никогда ее не потревожим
И с каждым маем из Египта ждем.

Крылатый друг! Напоминанье рая!
Лети, скользи, черти своим крылом
Тот ломкий путь от края и до края,
Которым мы, блуждая и плутая,
К какой-то трудной истине идем!

1962

Я много молчал и ждал,
То верил, а то не верил.
Я словно всю жизнь стоял
У плотно закрытой двери.

Я знал, что за ней ответ
На всё, что во мне боролось.
Сквозь щель пробивался свет
И слышался чей-то голос.

Но я уловить не мог,
Как я ни хотел, ни слова.
Таким и в могилу лег:
К нездешнему неготовым.

Так дети порой молчат,
Прислушиваясь напрасно,
Как взрослые говорят
О чём-то для них неясном.

Но вот обернулись к ним
И что-то должно случиться —
А кончится всё одним:
Что спать им велят ложиться.

1962

Какой-то сложной неувязке в мире
Обязаны мы жизнью и судьбой,
Какой-то вспышке прихоти в эфире,
Какой-то брызге, что метнул прибой.

И выправить теперь должны мы сами
Ошибку тех несовершенных дней,
Пытаясь по замшелой криптограмме
Ее понять и помириться с ней.

А кто не может? Для кого в ответе
За все загадки неба и земли —
Слепой старик и плачущие дети,
Замерзший дрозд и мотылек в пыли.

На что ему тома большой науки,
Как одолеть ему премудрость ту,
Когда со строчкой каждодневной муки
Управиться ему невмоготу!

1965

НАШ МИР

Нет, он хорош! Не той задачей,
Что не способен он решить,
Не тем, над чем он сам же плачет
И чем он не умеет быть —

А набегающею сменой
Внезапно просиявших дней,
Подарком радости мгновенной,
Короткой милостью своей.

И так всегда и всюду будет
И под нацеленным ножом
И целоваться будут люди
И рвать цветы и строить дом.

И несмотря на все разлуки,
На всю заведомую ложь,
На все заломленные руки —
Он будет всё-таки хорош!

1965

Когда-нибудь (быть может скоро)
На том, нездешнем, берегу,
На том единственном, который
Себе в наследство берегу —

Я обернусь и вдруг замечу,
Что, труден и неумолим,
Но этот путь мой человечий
Был всё-таки необходим.

Что в тесноте земных свершений,
В борьбе мужей, в объятьях жен,
В огне молитв, в бреду сомнений
Я слеплен был и обожжен.

И уходя теперь отсюда
Я вижу: мы бы не смогли
Небесного коснуться чуда
Без страшной помощи земли.

1964

Всего бы проще было жить
Не шаря по больным вопросам,
О непонятном не тужить,
Клевать и разумом и носом.

Но не напрасно райский плод
Нас напоил запретным соком —
В нас навсегда мечта живет
О невозможном и далеком.

Нас слово тающее «там»
Томит как дуновенье рая,
Мы к ускользнувшим берегам
Так жадно руки простираем.

И мы зовем — в который раз!
Нам нужды нет, что небо немо!
О, как он крепко бродит в нас,
Квасок антоновки Эдема!

1962

Афродита из влажной пены
Вышла знойна и весела,
Афродите былой на смену,
Той гречанке, что умерла.

Я бродил с ней вдвоем по пляжу,
Я твердил, что в нее влюблен,
Что она мне желанней даже
Самой лучшей из древних жен.

Уверял ее: «Дита, знаешь,
«Ты не хуже ее ничуть,
«Ты как пена в объятьях таешь
«И твоя словно мрамор грудь!»

Не для той, что давно истлела,
Мы слагали в веках стихи,
Были жалки и были смелы
И на всякие шли грехи.

А для девочки бестолковой,
Что в пути попадалась нам,
Щеголяла нарядом новым
И глазела по сторонам.

О, богиня! Тут нет измены!
Ведь мерещится сгоряча
Легкий шепот эгейской пены
У прижавшегося плеча!

1962

Вероятно было очень нужно
Этот мир продлить и сохранить,
Если нам, усталым и недужным,
Велено любить, терпеть и жить.

И вот в том, что так необходимо
Это утомительное зло,
Словно обещание хранимо,
Что не всё напрасно расцвело.

Будем же, всему прилежно внемля
И всего касаясь на пути,
Огибая медленную землю,
Долгою тропинкою идти.

Ведь тропинка каждая, запомним,
Нас всегда к чему-то приведет.
Может быть к пустой каменоломне?
А быть может к ангелу, что ждет?

Будем же, покамест без ответа,
Ничего не зная наперед,
Всё-таки идти тропинкой этой,
Той, что нас к чему-то приведет.

1964

Мой зябкий друг, мое земное тело,
Зачем ко мне прижалось ты опять?
Учись в тебе отпущенных пределах
Поменьше плакать и надоедать!

Ну да, с тобой я давней дружбой связан,
Но всё-же эта дружба такова,
Что миг один — и наш союз развязан,
Как на речном причале бичева.

И лодка уплывет (но не затонет!),
А берег — он останется, и нет
Уже ни возвращенья, ни погони,
Лишь на воде теряющийся след.

И надо мне с тобою быть суровым,
Чтоб то, что остается, не могло
Мне стать нужней моих скитаний новых,
Нужней, чем даль, просторы и весло.

Ты только берег скудости и скуки,
А я — я путник на его траве.
Давай же оба привыкать к разлуке,
К готовой отвязаться бичеве!

1963

Слишком просто, и не для поэта,
А для всякой совести земной,
Взять да и поверить, будто это
Навсегда закончится с тобой.

Слишком просто! Всё кругом так сложно!
Тайною овеян и храним
Каждый жалкий камень придорожный,
Каждый лист, упавший рядом с ним.

Почему же ты проходишь мимо
Этой тайны камня и листа,
Мимо тайны, явной и незримой,
Что вокруг повсюду разлита?

Попытайся к этой тайне малой,
К ней хотя бы, ближе подойти!
Этого довольно для начала,
Для начала твоего пути.

1964

Каким сомненьем ни измучен я,
Как больно ни томит тоска —
Я небо чувствую над кручею
И верю в крылья мотылька.

Пускай всего лишь отражением
Хоронится во глуби высь —
От смутного прикосновения
К нездешнему не уклонись!

Возьми его, каким приметится
И передай, как ты поймешь —
Быть может истиной засветится
То, что считаешь ты за ложь.

И пусть всего лишь на мгновение,
Но снизойдут к тебе, легки,
Нездешние прикосновения
Неназываемой руки.

1964

В дурную ночь, в часы размолвки с Богом
(Как иначе назвать беседу ту!)
Мне кажется всегда: еще немного —
И перейду последнюю черту.

Но каждый раз удерживает что-то
И на заре опять душа чиста
И в ней — о да! — тревога и забота,
Сомненье, горечь, но не пустота.

Не пустота! Не пропасть! Та, в которой
Разбился б я до наступленья дня.
И тех же тайн неуловимый шорох
Прислушаться опять зовет меня.

1965

Спасенье наше в безпредельности,
В безкрайности грядущих дней
И в том залог великой цельности
Людских и божеских затей.

Когда б отпущен был всего лишь нам
Какой-то предрешенный срок —
Мы б захлебнулись днем сегодняшним,
Нас выбросило б на песок.

А так мы движемся и пенится
За нами встречная волна.
О, путь еще не раз изменится!
За далью снова даль видна!

1964

Я чувствую всё резче раздвоенье
Моей души и тела моего,
Как будто в ней растет освобожденье,
А в теле, в нем, усталость от всего.

А между тем вы так неразделимы
И оба вы так целостно «моё»,
Что непонятно, невообразимо
Одной души иное бытиё.

Что делать ей без друга, что когда-то
Ее позвал и обвенчал с землей,
Что дал ей рощи, рифмы и закаты,
Прикосновенья, шелест и прибой?

И может быть ей «там» так пусто будет
(Ни глаз поднять, ни слова произнесть),
Что станет вновь молиться, как о чуде,
О возвращеньи в горестное «здесь».

1964

МОЕЙ МОЛОДОСТИ

Ты обнаженным ангелом была,
А я тебя как женщину неволил.
Зачем на помощь ты не позвала
И почему не вскрикнула от боли?

Я так к терпенью твоему привык,
К послушливому твоему бессилью,
Что кинулся к тебе, а не приник
И смял твои распахнутые крылья.

А ты? Ты на прощанье обняла
Меня с такой мучительной тревогой,
Что понял я: ты мне с собой дала
Предупрежденье в дальнюю дорогу.

И, видишь, я исполнил твой завет,
Хотя тебе и не дал обещанья,
И может быть сейчас на свете нет
Нежней и легче моего касанья.

1963

Есть давно утерянные годы,
Есть давно умолкнувшее детство,
Есть стихами прозвеневший город —
Пушкинское стройное наследство.

В мае там сирень, в апреле — вербы,
В сентябре — рябина, дождик, слякоть . . .
Как туда вернуться я хотел бы —
Просто для того, чтобы заплакать.

1963

Без прикосновенья, поцелуя
Нам своей не досказать любви!
Вот попробуй, заглуши такую
Жажду неуемную в крови —
И очнешься ты стаканом полным,
Что прильнувших не изведал губ,
Путником не бросившимся в волны
На сожженном зноем берегу.

1963

Расплачиваться надо за вино,
За горсть зерна, за поцелуй безпечный,
За всё, за всё, что здесь тебе дано!
А за любовь? За ту втройне конечно!

Но вдумайся: не сто́ит ли она
Такой опустошающей расплаты?
Она была ведь горячей вина,
Необходимее, чем горсть зерна
И всеми поцелуями богата.

Так не скупись на папиросный дым,
На слезы, на отчаянье, на муку
Слепых шагов по улицам ночным!
Плати! Твой ростовщик неумолим:
Вот он опять протягивает руку!

1965

Я знаю комнату, в которой
Ты будешь плакать обо мне.
Когда? Быть может очень скоро,
Уже быть может по весне.

Мне будет всё тогда возможно
И, знаешь, я к тебе приду,
Но бережно и осторожно,
И не во сне и не в бреду.

Приду, уйду — и не был будто . . .
Но если на другой же день
В окно ты улыбнешься утру
И тронешь, проходя, сирень,

И станешь меньше, нелюдима,
Одна по улицам бродить —
Знай, это я вчера незримо
Пришел помочь меня забыть.

1964

Ты камешек взяла с дороги,
Которой мы, целуясь, шли.
О, как обманчиво убоги
Порой сокровища земли!

Ведь для тебя, в твоей ладони,
Он потаенно расцветет
Закатным золотом на клене,
Дыханьем трав, журчаньем вод.

А если ты порой, тоскуя,
К нему прильнешь горячим ртом —
Еще и нашим поцелуем
В тот день, на том пути лесном.

1963

Прими мои простейшие стихи!
Для них поэтом даже быть не надо!
Ну разве только не совсем глухим
К цезурам, сто́пам и другим обрядам
Поэзии... И ты меня прости,
Что не цветущей я иду тропою!
Мне — не до развлечений на пути,
Мне хочется скорей тебя найти,
Найти в стихах и там побыть с тобою.
Найти такой, какою ты была
В апрельский этот день со мною рядом,
Ту, что себя как ветку отдала
Идущему завечеревшим садом:
Так ясно, просто подчинясь всему,
Затрепетав лишь от прикосновенья
И надломившись мягко... То мгновенье
Хочу я встретить и спешу к нему —
И вот оно со мной в стихотвореньи.

1963

То, чем сердце было пьяно,
Что томило нашу плоть —
Мертвой бабочкой нельзя нам
На булавку наколоть.

И не плача, не жалея,
Словно было да прошло,
На досуге молча ею
Любоваться сквозь стекло.

Наше прошлое не вещью
В душном ящичке лежит —
В небе вьется и трепещет,
От цветка к цветку летит.

Если мы его с досады
Второпях в руке сомнем —
Навсегда погубим радость,
Что для нас сияла в нем.

Что ни примем, что ни тронем,
Как ни спрячем в них лицо —
Будут нас стыдить ладони
Золотой его пыльцой.

Ни слезами, ни касаньем
Новых рук — ее не смыть.
Так не лучше ль то сиянье
Неубитым сохранить?

1964

Пусть еще мы как слепые бродим
По пространствам и по временам —
Иногда мы всё-таки находим
Губы предназначенные нам.

Выдадут себя прикосновеньем
(Нет других настойчивых таких),
Тем еще, что в это же мгновенье
Самый шумный город станет тих.

Вкусом тоже: есть у них порою
Привкус соли — это оттого,
Что от нетерпенья быть с тобою
В кровь они искусаны давно.

Опознав их по приметам этим,
Бережно те губы сохрани,
Потому что нет других на свете,
Что к твоим прильнули б как они.

1964

В тот день сияла вкруг меня весна
Неугасимым праздником сирени,
В тот день тебе (как ты была бледна!)
Сквозь платье я поцеловал колени.

А кто-то звал обедать и легко
Звенели вальсы на соседней даче.
Всё это словно и недалеко,
Но нынче как-то видится иначе.

Оно давно проверено судьбой
(Благоразумьем, скупостью, сомненьем)
И эта встреча с первою, с тобой,
Утратила не прелесть, но значенье.

То был всего лишь черновик любви,
Что мы закончить оба не сумели —
Перед грозой, чернеющей вдали,
По майской роще пробежавший шелест.

1963

Как тебя увидеть снова?
Не вернуться ли тайком
В мир далекого былого —
В царскосельский ветхий дом?

Вот уже сердцебиенье,
Тайный трепет, смутный страх . . .
Не твое ли отраженье
Заблудилось в зеркалах?

Не твои ль коснулись пальцы
Легкой клавишной строки?
Не твои ли в гулком зальце
Простучали каблучки?

На балконе обветшалом
Твой котенок, шаль твоя . . .
Ты всё ближе, с каждым шагом,
И мне чудится, что я

Вновь сбегаю по ступеням
И сейчас тебя найду
В белом облаке сирени
В вечереющем саду.

1962

БЫТЬ МОЖЕТ

Два слова. Как будто мало,
Но ими мы все живем:
«Быть может не всё пропало!
«Быть может еще дойдем!

«Быть может меня полюбит!
«Быть может меня простит!
«Быть может несчастным людям
«Грядущее рай сулит!»

И бродят два хитрых слова,
Всё тот же свершая путь,
Всегда и везде готовы
Утешить и обмануть.

И верим мы безрассудно
Созвучию слов пустых
И было бы очень трудно
Свой век коротать без них.

1963

ПОЭЗИЯ

Когда в ребяческие годы
Я к ней тянулся в полусне,
Она звездою с небосвода
Слетала в комнату ко мне.

И превращалась в легкий шелест,
В сиянье обнаженных рук
И первой женщиной гляделась
В мой зачарованный испуг.

Теперь конечно всё иное:
И мне уже не внове ты
И я давно уже не стою
Твоей нездешней наготы.

Но то, что было, то, что было,
Что звездной тайной обожгло,
Что навсегда душе открыло
Ее второе естество —

Оно запало так глубоко,
Так слито целостно со мной,
Что нету ни конца, ни срока
Для нашей близости земной.

Земной ли только? Знаю, тленье
Стирает сроки и черты,
Но нет тому исчезновенья,
На чьем плече уснула ты!

Я унесу во все скитанья,
В иную жизнь в ином краю
Твое тепло, твое дыханье,
Твое томящее касанье
И тяжесть легкую твою!

1962

Шуршанье ящериц в камнях Равенны,
Писк ласточек над площадью Сиены,
Смех девушек на уличках Салерно,
Мальчишеские крики у таверны,
Весь этот говор италийской плоти —
Он старше Данте и Буонарроти
И может быть бессмертней их обоих.
Он крепче их земную вечность строит.
И вслушиваясь в смех, и писк, и шорох
Я думаю о мелочах, которых
Векам и безднам одолеть труднее,
Чем пышность человеческой затеи.

1963

Как рано жизнь окончена! Она
Лет десять может насчитать, не боле,
Когда отбросить всё, что не весна,
Не губы, не стихи, не тишина,
Не звездный вечер, не тропинка в поле . . .

И спрашиваешь у нее: зачем
Она пришла, всего наобещала,
Сияла этим и томила тем
И вот уйдет, хотя дала так мало?

А главное: зачем она была
Такой желанной и родной при этом,
Таким прикосновеньем обожгла?
О, жизнь! Как хорошо ты солгала,
Как женщины лишь могут и поэты!

1963

Тот день был лучшим, как эпиграф
К неважному стихотворенью.
Он весь прошел в чудесных играх
Томительного приближенья.

А дальше всё пошло по маслу
Неотвратимого шаблона
И радость гасла, гасла, гасла —
Настойчиво и неуклонно.

И от ее самосожженья
У жизни ничего не выиграв,
Я зачеркнул стихотворенье
И сохранил один эпиграф.

Он дорог мне. В какой-то мере
Воспоминанье им согрето,
Хотя я не вполне уверен,
Что он из лучшего поэта.

1962

Всё повторяется сначала
И девушка с прозрачной кожей,
Что никогда не целовала,
Сегодня поцелует тоже.

Одно из двух возможных счастий
Она получит непременно:
Антония бросок разящий
Иль шепот Дафниса смиренный.

А мальчик в первый раз влюбленный
Найдет в шелках или в отрепьях
Грудь Клеопатры изощренной
Иль Хлои непритворный трепет.

Нет никаких других решений,
А этих двух конечно мало.
В любви мы только чьи-то тени .
Всё повторяется сначала!

1962

Из того, что немилым было,
Вдруг проглянет совсем иное . . .

Из речного глухого ила
Вырастает порой такое:
С розоватыми лепестками,
С золотистою сердцевиной,
И горит, горячо как пламя,
Над его обступившей тиной.

Это то расцвело, что было,
Что казалось тогда напрасным —
И теперь только стало мило.
Слишком поздно. И слишком ясно.

1962

Я растерял их по пути,
Слова не сказанные мною.
Теперь их больше не найти,
Как теплых ласточек зимою.

Я был порой небрежен к ним —
Они снялись и улетели . . .
Но может быть они к другим
Вернутся в будущем апреле?

1964

СОДЕРЖАНИЕ